

Содержание

	К читателю	9
	Тяжкие предчувствия	13
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	УГРОЗА РАСТЕТ	21
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	«В СЛУЧАЕ ОПРЕДЕЛЕННОГО РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ...»	105
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	УЖАС	247
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	КРОВЬ И ПЫЛЬ	319
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	АМЕРИКАНЦЫ	513
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	ЛЮБОВЬ СРЕДИ ОГНЯ	625
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА	689
	Эпилог	737
	Источники и благодарности	758
	Библиография	765
	Примечания	773

Человеку (к счастью — иначе жизнь была бы невыносима)
почти не дано предвидеть или предсказывать ход грядущих
событий.

*Уинстон Черчилль,
речь на заупокойной службе по Невиллу Чемберлену,
12 ноября 1940 года*

К читателю

Лишь переселившись на Манхэттен несколько лет назад, я со внезапной ясностью осознал, что нью-йоркцы, пережившие события 11 сентября 2001 года, воспринимали их совсем иначе, нежели все мы, наблюдавшие за этим кошмаром на расстоянии. Атаке подвергся их родной город. Ощувив эту разницу, я почти сразу же задумался о немецких авианалетах на Лондон в 1940–1941 годах, невольно задавшись вопросом: как же это вообще можно было вынести — бомбардировки на протяжении 57 ночей подряд, а затем — еще полгода непрекращающихся, все более масштабированных ночных рейдов?

В связи с этим я особенно много размышлял об Уинстоне Черчилле. Как он сумел выстоять? Как сумели выстоять его близкие и друзья? Каково ему было, когда его город бомбили ночь за ночью, притом что он отлично сознавал: эти воздушные налеты при всей своей чудовищности служат лишь прологом к куда более ужасным вещам — вторжению немецких войск с моря и воздуха, когда парашютисты будут опускаться прямо в его сад, танки нацистов залязгают по Трафальгарской площади, а отравляющие газы поплывут над пляжем, где он когда-то рисовал море?

И я решил выяснить, каково это. Но быстро понял, что одно дело — сказать «Ну давай», но совсем другое — осуществить задуманное. Я решил сосредоточиться на первом годе Черчилля

в премьерском кресле (с 10 мая 1940 года по 10 мая 1941 года). Именно на это время пришлось многомесячное авиационное сражение, известное как Битва за Британию. Начавшись со sporadических (и, казалось бы, довольно бесцельных) налетов, эта кампания разрослась до полномасштабной воздушной войны. Этот год завершился уик-эндом, полным насилия, в котором было что-то воннегутовское, когда банальность и фантасмагория слились воедино, ознаменовав собой (как позже выяснилось) первую великую победу антигитлеровских сил.

Конечно же, эта книга вовсе не претендует на то, чтобы считаться исчерпывающим рассказом о жизни Черчилля. Эта честь принадлежит другим авторам, в числе которых его неутомимый (но, увы, не бессмертный) биограф Мартин Гилберт, чье восьмитомное исследование может удовлетворить самый взыскательный интерес. Моя же книга носит более личностный характер. Она посвящена повседневной жизни Черчилля и его окружения, темным и светлым моментам, романтическим приключениям и неурядицам, скорби и смеху, разного рода мелким эпизодам, показывающим, как на самом деле жилось людям под натиском гитлеровской стальной бури. Это был год, когда Черчилль стал для нас *тем самым Черчиллем*, бульдогом с неизменной сигарой; год, когда он произносил свои величайшие речи и показал всему миру, что такое истинная храбрость и истинное политическое лидерство.

Иногда может показаться, что в этой книге есть элементы художественного вымысла, однако на самом деле это не так. Все, что при цитировании заключено в кавычки, взято из какого-то исторического документа (дневника, письма, воспоминаний и т. п.). Всякое упоминание жестов, взглядов, улыбок и мимики основано на воспоминаниях свидетелей. Если что-то в тексте противоречит выработавшимся у вас представлениям о Черчилле и его эпохе, могу лишь заметить, что история — обитель весьма оживленная, в ней всегда масса неожиданного.

Эрик Ларсон
Манхэттен, 2020 год

Тяжкие предчувствия

Никто не сомневался, что бомбардировщики рано или поздно прилетят. Планирование обороны началось задолго до войны, хотя те, кто ее планировал, не имели в виду какую-то конкретную угрозу. Все понимали, что Европа есть Европа. Былой опыт (если, конечно, на него вообще можно полагаться) показывал, что война может разразиться где угодно и когда угодно. Британские военачальники видели мир сквозь призму пережитого империей во время предыдущей войны, Первой мировой, которую в Европе называют Великой, — с массовой гибелью солдат и мирных жителей, с первыми в истории систематическими воздушными налетами, когда немецкие цеппелины бомбили Англию и Шотландию. Первые такие рейды произошли в ночь на 20 января 1915 года, а за ними последовали еще 50 с лишним: гигантские дирижабли, тихо плывшие над английскими пейзажами, сбросили в общей сложности 162 т бомб, убивших 557 человек¹.

С тех пор бомбы стали крупнее, смертоноснее и хитроумнее, в них появились устройства, позволявшие отложить взрыв на определенное время или заставлявшие их визжать при падении. Одна колоссальная немецкая бомба 13 футов

(почти 400 см) длиной и 4000 фунтов (более 1,4 т) весом под названием «Сатана» могла разрушить целый квартал². Самолеты, которые несли эти бомбы, тоже стали больше, теперь они могли летать быстрее и выше, а значит, им легче было избегать ударов британской ПВО. 10 ноября 1932 года Стэнли Болдуин, тогдашний заместитель премьер-министра, в ходе своего выступления в палате общин дал такой прогноз: «Думаю, обывателю стоило бы осознавать, что на свете не существует такой силы, которая защитила бы его от бомбардировки. Что бы ему ни говорили, бомбардировщик всегда пробьется к цели»³. По его мнению, единственным эффективным методом обороны была атака: «Иными словами, если вы хотите спасти себя, вам надо убить больше женщин и детей, чем противник, и сделать это быстрее».

Британские специалисты по гражданской обороне, опасаясь «сокрушительного удара»*, предсказывали, что первый же воздушный налет на Лондон уничтожит если не весь, то почти весь город, а число жертв среди мирных жителей составит около 200 000⁴. «Было широко распространено мнение, что Лондон превратится в руины уже в первые же минуты после объявления войны», — писал один из младших чиновников, работающих в этой сфере⁵. Предполагалось, что эти налеты вызовут среди уцелевших такой ужас, что миллионы британцев сойдут с ума. «Лондон на несколько дней обратится в гигантский беснующийся бедлам, — пророчил в 1923 году военный теоретик Джон Фуллер. — Толпы страждущих начнут

* «Сокрушительный удар» — элемент популярной в межвоенный период теории стратегических бомбардировок, способных, как считалось, обеспечить победу в войне без активных боевых действий на суше или на море за счет разрушения ключевых инфраструктурных объектов противника. Следует отметить, что руководство нацистской Германии к этим теориям относилось с некоторым скепсисом, считая авиацию прежде всего средством поддержки сухопутных и морских сил, а стратегические бомбардировки — скорее средством морального подавления, чем решающим элементом военной стратегии. В военно-политических кругах Великобритании и США, однако, бытовало противоположное мнение. — *Прим. ред.*

штурмовать больницы, всякое уличное движение остановится, повсюду будут слышаться жалобные вопли тех, кто лишился крова, и весь город превратится в крошечный ад⁶.

Из предварительных оценок министерства внутренних дел следовало, что при соблюдении стандартной процедуры погребения гробовщикам понадобится 20 млн квадратных футов «гробовой древесины», но обеспечить их материалом в таком объеме будет невозможно⁷. Поэтому им придется делать гробы из толстого картона либо из папье-маше — или же хоронить покойников просто в саванах⁸. «Для массовых захоронений, — рекомендовало министерство здравоохранения Шотландии, — лучше всего подходит траншея, достаточно глубокая, чтобы вместить пять слоев тел»⁹. Планировщики требовали открытия глубоких карьеров на окраинах Лондона и других крупных городов, причем эти работы следовало вести максимально скрытно. Сотрудников моргов предполагалось обучать дегазации тел и одежды людей, погибших от воздействия отравляющих газов¹⁰.

Когда 3 сентября 1939 года в ответ на вступление гитлеровских сил в Польшу Великобритания объявила войну Германии, правительство стало всерьез готовиться к немецким бомбардировкам, которые, как ожидалось, должны были предвосхищать вторжение нацистов. Для обозначения начала вторжения было принято кодовое слово «Кромвель»¹¹. Британское министерство информации выпустило специальные листовки «Как победить захватчика»*: эти довольно мрачные предостережения распространили по миллионам домов. Они предупреждали: «Когда враг высадится на нашу землю... начнутся самые ожесточенные сражения». Читателей призывали следовать всем указаниям правительства по поводу эвакуации. В этих листовках были и такие слова: «Когда вторжение начнется, будет уже слишком поздно уходить. <...>

* Решение о выпуске 14 млн копий было принято 24 апреля 1941 года. — *Прим. ред.*

СТОЙТЕ НЕПРЕКЛОННО». По всей Британии смолкли церковные колокола. Их звон теперь мог означать только сигнал тревоги — знак того, что слово «Кромвель» уже прозвучало и захватчики движутся к британским берегам. Звон колокола также мог указывать на то, что неподалеку замечены отряды вражеских парашютистов. Листовка предписывала в таком случае немедленно «вывести из строя и спрятать ваш велосипед и уничтожить ваши географические карты». Автовладельцы же должны были «извлечь распределительную головку вместе с приводами и либо слить горючее из бензобака, либо вынуть карбюратор. Если вы не знаете, как это сделать, заранее проконсультируйтесь в ближайшем гараже».

В городах и деревнях снимали указатели, а карты продавали только тем, у кого имелось специальное разрешение от полиции¹². Фермеры оставляли в полях старые легковые машины и грузовики, чтобы те мешали приземлению десантных планеров врага. Правительство раздало гражданскому населению 35 млн противогазов¹³. Их носили с собой и на работу, и в церковь, а на ночь клали рядом с кроватью. Лондонские почтовые ящики покрыли индикаторной желтой краской, которая обладала способностью менять цвет под воздействием некоторых ядовитых газов¹⁴. Строжайшая светомаскировка погрузила город в такую темень, что лица пассажиров вечерних и ночных поездов на вокзале были почти неразличимы¹⁵. В безлунные ночи пешеходы то и дело выскакивали перед автомобилями и автобусами (ехавшими с погашенными фарами), натякались на фонарные столбы, падали с тротуаров на мостовую, спотыкались о мешки с песком.

Внезапно все начали активно интересоваться фазами Луны. Разумеется, бомбить можно и днем, но считалось, что в темное время суток бомбардировщики смогут находить цели только с помощью лунного света. Полнолуние, а также вторую и третью четверть стали называть «луной для бомбжек»¹⁶. Несколько утешало, что бомбардировщикам (и, что еще важнее, истребителям сопровождения) придется лететь

с «домашних» баз, расположенных в Германии, и это огромное расстояние резко ограничит их дальность и смертоносность. Но это предполагало, что Франция — с ее могучей армией, с ее линией Мажино, с ее мощным флотом — будет стоять непоколебимо, тем самым ограничив возможности люфтваффе и перекрыв немецким войскам все пути для вторжения в Великобританию. Стойкость французов являлась краеугольным камнем оборонительной стратегии британцев. Падение Франции казалось совершенно невыносимым.

«Атмосфера более чем тревожная, — писал 7 мая 1940 года в своем дневнике Гарольд Никольсон, который вскоре станет парламентским секретарем* в британском министерстве информации. — Всех охватил настоящий ужас»¹⁷. Он договорился с женой, писательницей Витой Саквилл-Уэст, что в случае необходимости они совершат двойное самоубийство — лишь бы не попадать в плен к немецким захватчикам. «Должно существовать какое-то быстрое, безболезненное и компактное средство, — писала она ему 28 мая. — О мой милый, мой дорогой, как мы дошли до такого!»

Стечение непредсказуемых обстоятельств и непреодолимых сил в конце концов все же привело немецкие бомбардировщики в небо над Лондоном. Первый рейд на английскую столицу состоялся 10 мая 1940 года, перед самыми сумерками, в один из прекраснейших вечеров одной из чудеснейших вёсен, какие могли припомнить старожилы.

* Парламентский секретарь — руководитель отдела по связям с парламентом. — *Прим. пер.*

1940

*Часть
первая*

УГРОЗА
РАСТЕТ

Май–июнь

Уход Коронера

Кавалькада машин мчалась по Мэллу, широкому бульвару между Уайтхоллом, где находятся министерства британского правительства, и Букингемским дворцом — 775-комнатной резиденцией короля Георга VI и королевы Елизаветы. Каменный фасад дворца, погруженный в тень, уже виднелся в конце бульвара. Было самое начало вечера пятницы 10 мая. Повсюду цвели колокольчики и примулы. Нежная зеленая дымка первой весенней листвы окутывала кроны деревьев. Пеликаны королевского Сент-Джеймс-парка наслаждались весенним теплом, между тем как лебеди, их менее экзотические сородичи, скользили по воде со своим обычным суровым равнодушием к людям. Тем ужаснее на фоне этих красот выглядели события того дня. На рассвете 10 мая немецкие танки, пикирующие бомбардировщики и парашютисты смертельной лавиной обрушились на Голландию, Бельгию и Люксембург.

На заднем сиденье первого автомобиля ехал глава военно-морского флота Великобритании — Первый лорд Адмиралтейства, 65-летний Уинстон Черчилль. Когда-то, во время предыдущей войны, он уже занимал этот пост. С началом новой премьер-министр Невилл Чемберлен вернул его на эту должность. Во второй машине ехал телохранитель Черчилля

детектив-инспектор Уолтер Генри Томпсон из Специального отдела Скотленд-Ярда. Высокий и подтянутый, с острым носом, этот полицейский страж был, казалось, вездесущ. Его часто можно заметить на официальных групповых снимках, но о нем редко упоминают. Он был одним из бесчисленных «трудяг» — так в те времена называли тех безвестных работников, которые обеспечивали повседневные функции правительства: все эти мириады личных и парламентских секретарей, ассистентов, машинисток составляли пехоту Уайтхолла. Однако, в отличие от большинства «трудяг», Томпсон постоянно носил в кармане пальто пистолет.

Черчилля вызвали к королю. Причина вызова казалась очевидной — во всяком случае для Томпсона. «Я ехал позади Старики, испытывая неопишемую гордость», — вспоминал он позже¹.

И вот Черчилль вошел во дворец. Королю Георгу было тогда 44 года, три с половиной из которых он провел на троне. Прихрамывающий, с иксообразными ногами и толстыми губами, очень крупными ушами, к тому же страдающий от заметного заикания, он казался довольно хрупким — особенно по сравнению со своим посетителем, который, хоть и был на три дюйма ниже, отличался изрядной тучностью. Король не доверял Черчиллю, симпатии которого к Эдуарду VIII, старшему брату правящего монарха (некогда он увлекся разведенной американкой Уоллис Симпсон, в результате чего вынужден был в 1936 году отречься от престола), оставались камнем преткновения в отношениях между Черчиллем и королевским семейством. Кроме того, короля в свое время весьма задела черчиллевская критика действий премьер-министра Чемберлена в связи с Мюнхенским соглашением 1938 года, позволившим Гитлеру аннексировать часть Чехословакии. Король с большим подозрением относился к самой независимости Черчилля и к его политической беспринципности*.

* К описываемому периоду Черчилль успел несколько раз сменить свои политические пристрастия: начав политическую карьеру членом Кон-

Он попросил Черчилля сесть и некоторое время смотрел на него, как позже вспоминал сам Черчилль, с выражением несколько ироничного недоумения.

Наконец король произнес:

- Полагаю, вы догадываетесь, почему я послал за вами?
- Ваше величество, я даже представить себе не могу².

Незадолго до того в палате общин произошло настоящее восстание, сильно пошатнувшее позиции правительства Чемберлена. Все началось со споров о неудачной попытке Британии выбить немецкие войска из Норвегии, которую Германия оккупировала месяцем раньше. Как Первый лорд Адмиралтейства Черчилль отвечал за военно-морскую составляющую операции. Теперь уже войскам самой Британии угрожал разгром — перед лицом неожиданно яростной атаки Германии. Парламентские баталии закончились призывами к смене правительства. По мнению смутьянов, 71-летний Чемберлен, прозванный Коронером и Старым Зонтиком, просто не мог справиться с руководством страной в условиях все более ожесточенной войны. 7 мая один из парламентариев, Леопольд Эмери, безжалостно обрушился на Чемберлена, позаимствовав инвективы Оливера Кромвеля образца 1653 года: «Вы сидите здесь слишком долго и совершили за это время слишком мало! От вас пора избавиться, убирайтесь! Уходите, во имя Господа!»³

сервативной партии, через четыре года он перешел в Либеральную, чтобы еще через 20 вернуться к консерваторам (в промежутке успев попробовать себя и в качестве независимого кандидата). Кроме того, его выступления в парламенте и решения, принимаемые на государственных постах, часто шли вразрез с политической платформой партии, к которой он формально принадлежал. — *Прим. ред.*

* Слова, обращенные Кромвелем к парламенту, члены которого не переизбирались с 1640 года и теперь решили сделать свое членство пожизненным. Парламент после этого был распущен. — *Прим. пер.*

Палата общин провела голосование о доверии правительству — по старинному методу «разделения», когда парламентарии выстраиваются в вестибюле в два ряда (по голосам «за» и «против») и затем проходят мимо специально назначенных счетчиков, которые и регистрируют их голоса. На первый взгляд голосование принесло Чемберлену победу (281 «за» и всего 200 «против»), однако на фоне прежних голосований становилось ясно, насколько пал его авторитет.

После этого Чемберлен встретился с Черчиллем и сообщил, что планирует уйти в отставку. Но Черчилль, желая казаться лояльным по отношению к премьеру, убедил его передумать. Это приободрило короля, но заставило одного из парламентских бунтарей, взбешенного потугами Чемберлена цепляться за премьерство, уподобить того «замызганному куску старой жевательной резинки, прилепившемуся к ножке стула»⁴.

К 9 мая (это был четверг) античемберленовская фракция только укрепилась в своей решимости. С каждым часом его уход казался все более неизбежным. Два наиболее вероятных претендента на его пост определились быстро: министр иностранных дел лорд Галифакс и Первый лорд Адмиралтейства Черчилль, обожаемый значительной частью британского общества.

Но потом наступила пятница, 10 мая, — день блицкрига Гитлера в Нижних Землях*. Эта новость омрачила атмосферу в Уайтхолле, хотя Чемберлену она принесла проблеск надежды: может быть, ему удастся удержаться на посту? Палата общин наверняка согласится, что во время таких масштабных событий неразумно менять правительство. Но парламентские бунтари ясно дали понять, что не намерены работать с Чемберленом, и стали проталкивать кандидатуру Черчилля.

* Нижние Земли — историческое название территорий, на которых расположены современные Нидерланды, Бельгия и Люксембург. — *Прим. ред.*

Чемберлен понял, что выбора у него нет: надо уходить. Он настойчиво предлагал лорду Галифаксу стать своим преемником. Галифакс казался более уравновешенным политиком, чем Черчилль, а значит, было менее вероятно, что он затянет Британию в какую-то новую катастрофу. В Уайтхолле признавали, что Черчилль — блестящий оратор, но считали, что ему недостает рассудительности. Сам Галифакс называл его «бешеным слоном»⁵. Однако Галифакс сомневался в собственной способности руководить страной во время войны, поэтому он вовсе не хотел занять премьерский пост. Его нежелание стало вполне очевидным, когда представитель премьера, направленный к нему с уговорами, обнаружил, что Галифакс ушел к дантисту⁶.

Окончательное решение было за королем. Вначале он вызвал к себе Чемберлена. «Я принял его отставку, — записал монарх в дневнике, — и сообщил ему, как ужасно несправедливо с ним, на мой взгляд, обошлись, добавив, что я весьма сожалею об этом скандале»⁷.

Затем они обсудили вопрос о преемнике. «Я, разумеется, предложил Галифакса», — писал король. Он считал, что кандидатура Галифакса «напрашивается».

Но тут Чемберлен удивил его. Он порекомендовал Черчилля.

Еще из королевского дневника: «Я послал за Уинстоном и попросил его сформировать правительство. Он согласился и заметил, что, как ему представлялось, я послал за ним по иной причине» — хотя Черчилль, по словам короля, все-таки заранее припас несколько кандидатур потенциальных министров своего кабинета⁸.

Автомобили с Черчиллем и Томпсоном вернулись к Адмиралтейскому дому — лондонской штаб-квартире военноморского флота Великобритании и временной резиденции Черчилля. Эти двое вышли из машин. Как всегда, Томпсон

держал одну руку в кармане пальто, чтобы в случае чего быстро выхватить пистолет. Часовые, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками, несли службу рядом с расчетами пулеметчиков, располагавшимися со своими легкими пулеметами Льюиса за брустверами из мешков с песком. Рядом, на лужайке Сент-Джеймс-парка, сталагмитами вздымались длинные стволы зенитных орудий.

Черчилль повернулся к Томпсону:

— Вам известно, зачем я ездил в Букингемский дворец.

Томпсон не стал скрывать, что ему это действительно известно, и поздравил его. Впрочем, он добавил: жаль, что это назначение не произошло раньше и в более спокойное время, поскольку теперь вам предстоит колоссальная работа⁹.

— Один Господь знает, насколько огромная, — подтвердил Черчилль.

Они обменялись рукопожатием — мрачно, словно на похоронах.

— Надеюсь лишь, что еще не поздно, — заметил Черчилль. — Хотя, боюсь, мы все же опоздали. Но мы должны стараться изо всех сил, отдать делу все, что у нас есть. Все, что в нас осталось.

Это были вполне трезвые слова, хотя в глубине души Черчилль ощущал немалое воодушевление. Он всю жизнь готовился к этому моменту. И не важно, что момент настал в столь темные времена. Более того, это придавало его назначению особый вес.

В меркнувшем свете дня детектив-инспектор Томпсон увидел, как по щекам Черчилля потекли слезы. Он и сам почувствовал, что вот-вот заплачет.

Поздно вечером, лежа в постели, Черчилль чувствовал, что у него прямо-таки дух захватывает при мысли о том, какие сложные задачи ему предстоит решать и какие возможности перед ним открываются. Впоследствии он писал: «На

протяжении моей долголетней политической деятельности я занимал многие важные государственные посты, но я с готовностью признаю, что тот пост, который я принял сейчас, являлся для меня самым привлекательным». Он отметил, что жажда власти ради самой власти — «низменная страсть», однако добавил: «Но власть в момент национального кризиса, когда человек верит, что ему известно, какие надо отдавать приказы, такая власть является подлинным благом»¹⁰.

Он ощущал громадное облегчение: «Наконец-то я получил право отдавать указания по всем вопросам. Я чувствовал себя избранником судьбы, и мне казалось, что вся моя прошлая жизнь была лишь подготовкой к этому часу и к этому испытанию. <...> С нетерпением ожидая утра, я тем не менее спал спокойным глубоким сном и не нуждался в ободряющих сновидениях. Действительность лучше сновидений»¹¹.

Несмотря на те сомнения, которые он высказал в разговоре с детективом-инспектором Томпсоном, Черчилль принес в дом 10 по Даунинг-стрит* искреннюю уверенность, что под его руководством Британия выиграет войну — хотя из любой объективной оценки положения следовало, что у него нет совершенно никаких шансов. Черчилль понимал, что теперь его задача состоит в том, чтобы передать свою уверенность в победе всем остальным: своим соотечественникам, своим военачальникам, своим министрам, а главное — американскому президенту Франклину Делано Рузвельту. С самого начала Черчилль понимал одну из основополагающих истин этой войны: ему не победить, если Соединенные Штаты рано или поздно не вступят в бой. Он полагал, что Британия, предоставленная самой себе, может стойко сдерживать натиск Германии, но лишь промышленная мощь и человеческие ресурсы Америки способны гарантировать окончательное уничтожение Гитлера и национал-социализма.

* Там традиционно размещается резиденция британского премьер-министра. — *Прим. пер.*

Еще больше осложняло задачу то, что Черчиллю следовало обеспечить активное участие США в войне как можно быстрее — пока Гитлер не переключил все внимание на Англию и не обрушился на нее всей мощью люфтваффе, которая, по мнению британской разведки, неизмеримо превосходила Королевские военно-воздушные силы.

Во время всех этих событий Черчиллю приходилось справляться и с иными трудностями — весьма разнообразными. В конце месяца ему предстояла выплата по колоссальному личному кредиту, но у него не было на это денег. Рандольф, его единственный сын, тоже по уши увяз в долгах, причем упорно демонстрировал умение не только транжирить деньги, но и проигрывать их (его бездарность по части азартных игр была почти легендарной); кроме того, он слишком много пил, а напившись, устраивал скандалы, так что Клементина постоянно опасалась, что однажды он нанесет репутации семьи непоправимый ущерб. Кроме того, Черчиллю приходилось иметь дело с правилами светомаскировки, строгим нормированием продуктов, а также все более активным вмешательством в его жизнь спецслужб, которые пытались защитить его от наемных убийц. А еще он вынужден был терпеть бесконечный стук молотков целой армии рабочих, направленных на Даунинг-стрит, 10 (и в прочие корпуса Уайтхолла) для возведения противовоздушных укреплений: этот стук бесил его больше всего остального.

Впрочем, был же еще свист.

Как-то раз он заметил, что ненависть к свисту — единственное, что роднит его с Гитлером. И это была не просто острая неприязнь. «Свист порождает в нем тревогу почти психопатического типа — мгновенную, мощную и малообъяснимую», — писал детектив-инспектор Томпсон¹². Однажды, направляясь пешком на Даунинг-стрит, Томпсон и новый премьер-министр встретили мальчишку-газетчика лет 13,

двигавшегося им навстречу — «руки в карманах, под мышками пачки газет, громко и жизнерадостно насвистывавшего», вспоминал Томпсон.

По мере того как мальчик приближался, Черчилль закипал все больше. Наконец, по-боксерски сгорбившись, он шагнул к газетчику.

— Прекрати свистеть, — прорычал он.

Мальчишку это ничуть не смутило.

— Почему это? — спросил он.

— Потому что мне это не нравится. И потому что это ужасный звук.

Газетчик как ни в чем не бывало двинулся дальше, а потом повернулся и крикнул:

— Вы ведь, если что, можете заткнуть уши, а?

После чего зашагал дальше.

На несколько мгновений Черчилль ошеломленно застыл. Его лицо залила краска гнева.

Однако Черчилля всегда отличало умение мысленно отстраниться от происходящего и не принимать событие на свой счет, так что раздражение у него могло тут же смениться весельем. Черчилль с Томпсоном пошли дальше, и Томпсон заметил, как его спутник начинает улыбаться. Премьер негромко повторил возражение мальчишки: «Вы ведь, если что, можете заткнуть уши, а?»

И громко расхохотался¹³.

Черчилль мгновенно и энергично приступил к исполнению своих новых обязанностей. Многих это ободрило, но для других лишь стало подтверждением их самых серьезных опасений.

Ночь в «Савое»

Семнадцатилетняя Мэри Черчилль узнала страшные вести с континента, сразу как проснулась тем утром 10 мая. Подробности ужасали сами по себе, но контраст между тем, как Мэри провела эту ночь, и тем, что случилось по ту сторону Ла-Манша, делал их еще более ошеломляющими.

Мэри была младшей из четверых детей Черчилля. Пятый ребенок, обожаемая родными «Уткенция» Мэриголд, в августе 1921 года умерла от заражения крови (ей было всего два года девять месяцев). При ее кончине присутствовали и мать, и отец. Клементина, как позже рассказывал Мэри сам Черчилль, «пронзительно кричала — словно животное в агонии»¹.

Тридцатилетняя Диана, старшая сестра Мэри, была замужем за Дунканом Сэндсом, работавшим у Черчилля «специальным представителем» по связям со Службой оповещения о воздушных налетах (СОВН) — подразделением министерства внутренних дел, занимавшимся гражданской обороной*.

* Служба предупреждения о воздушных налетах (Air Raid Precautions, в русскоязычной литературе встречается также название Гражданская ПВО) — комплекс британских организаций, целью которого была защита гражданского населения от авианалетов. Сформирован в конце

У них было трое детей. Средняя сестра, 25-летняя Сара, в детстве отличалась таким упрямством, что ее даже прозвали Мулом. Она стала актрисой и, к большому неудовольствию Черчилля, вышла замуж за австрийского актера и предпринимателя по имени Вик Оливер: он был на 16 лет старше и успел дважды развестись, прежде чем познакомился с ней. Детей у них не было. Третьему (по старшинству) отпрыску Черчилля, тому самому Рандольфу, вот-вот должно было исполниться 29. Год назад он женился на Памеле Дигби. Сейчас ей было 20, и она ждала первенца.

Мэри была хорошенькая, веселая, энергичная — по наблюдениям одного из современников, «очень жизнерадостная»². Она смотрела на мир с несокрушимым энтузиазмом юной овечки, выбежавшей на весенний лужок. Кэти Гарриман, молодая американка, некогда посетившая их дом, сочла ее простодушие каким-то слащавым. «Она очень умная девушка, — писала Гарриман, — но при этом так наивна, что за нее даже больно. Она произносит такие искренние вещи, и над ней за это насмеваются и издеваются, а поскольку она сверхчувствительна, то принимает все это близко к сердцу»³. Когда она родилась, Клементина прозвала ее Мэри-мышка⁴.

Пока Гитлер сеял смерть и потрясения среди бесчисленных миллионов жителей Нижних Земель, Мэри весело проводила время с друзьями. Вечер начался с обеда в честь ее близкой подруги Джуди — Джудит Венеции Монтегю, ее кузины, которой тоже было 17, дочери покойного Эдвина Сэмюэла Монтегю, бывшего британского министра по делам Индии, и его жены Венеции Стэнли. Их брак был овеян драматизмом и массой слухов: Венеция вышла замуж за Монтегю после трехлетнего романа с тогдашним премьер-министром Гербертом Генри Асквитом, который был на 35 лет старше ее. Существовала ли между Венецией и Асквитом физическая

1930-х. В 1941 году переименован в Службу гражданской обороны. — *Прим. пер.*

близость, навсегда осталось тайной для всех, кроме них самих. Но, если объем текста может служить мерилom страсти, следует заключить, что Асквит был безумно влюблен. За три года их отношений он написал Венеции не менее 560 писем, причем некоторые — прямо на заседаниях кабинета министров: эту слабость Черчилль окрестил «самой большой угрозой безопасности Англии»⁵. Ее внезапная помолвка с Монтегю сокрушила Асквита. «Это хуже любого ада», — писал он⁶.

Обед у Джуди Монтегю посетили и другие молодые мужчины и женщины, принадлежавшие к лондонскому высшему обществу (золотая молодежь). Эти отпрыски британских аристократических семейств частенько танцевали, ужинали и пили шампанское в популярных ночных клубах города. Война не положила конец этим увеселениям, хоть и внесла в них мрачную ноту. Многие из юношей вступили в армию (самой романтичной из всех, пожалуй, считалась служба в Королевских ВВС) или же поступили в военные училища вроде Сандхёрста или Пирбрайта. Одни успели повоевать в Норвегии, другие же и сейчас находились за границей — в составе частей Британских экспедиционных сил. Многие девушки из окружения Мэри вступили в Женскую добровольческую службу. Эта организация занималась самыми разнообразными вещами — помогала размещать эвакуированных, обслуживала центры отдыха для военных, обеспечивала нуждающихся продовольствием и даже готовила пряжу из собачьей шерсти для производства одежды. Другие молодые женщины поступили на курсы медсестер; некоторые получили не вполне понятные должности в министерстве иностранных дел, где, по выражению Мэри, они занимались «деятельностью, не подлежащей описанию». Но все это не мешало веселиться — и, несмотря на сгущавшийся мрак, Мэри и ее друзья танцевали. Мэри располагала пятью фунтами карманных денег: Черчилль выдавал ей такую сумму первого числа каждого месяца. «Лондонцы вели оживленную социальную жизнь, — позже писала Мэри в своих воспоминаниях. — Несмотря

на светомаскировку, театры были полны, имелось множество ночных клубов, чтобы потанцевать там после закрытия ресторанов, и многие по-прежнему устраивали званые обеды и ужины, только теперь поводом для них часто становился приезд сына из армии на побывку»⁷.

Излюбленным местом досуга Мэри и ее друзей стал театр «Плейерс», расположенный неподалеку от района Ковент-Гарден. Здесь они, усевшись за столики, частенько смотрели, как группа актеров (в том числе Питер Устинов) исполняет старые шлягеры мюзик-холлов. Молодежь сидела тут до закрытия (то есть до двух часов ночи), а потом все пешком шли домой по затемненным для светомаскировки улицам. Она восхищалась таинственной красотой, возникавшей здесь в полнолуние: «Улицы, словно темные долины, были погружены в глубокий мрак, но вливались в безбрежную Трафальгарскую площадь, залитую светом, и на заднем плане, точно гравюра, прорисовывалась классическая симметрия церкви Святого Мартина в Полях, а колонна Нельсона вздымалась в ночные выси над стерегущими ее львами, такими грозными и черными: это зрелище я никогда не забуду»⁸.

Среди мужчин, явившихся на обед в честь Джуди Монтегю, оказался молодой армейский майор Марк Говард, которого Мэри сочла привлекательным и обходительным — и которым она «немного увлеклась»⁹. Говард погибнет в бою четыре года спустя. Он служил в Колдстримской гвардии — старейшем из непрерывно действующих подразделений регулярной армии Великобритании. Оно вело активные боевые действия, но в его обязанности входила и охрана Букингемского дворца.

После обеда Мэри, Марк и их друзья отправились потанцевать в прославленный отель «Савой», после чего переместились в ночной клуб «400», облюбованный богатой молодежью Лондона: его прозвали «ночной штаб-квартирой высшего общества». Клуб располагался в подвальных помещениях одного из зданий на Лестер-сквер. Он закрывался лишь на рассвете,